

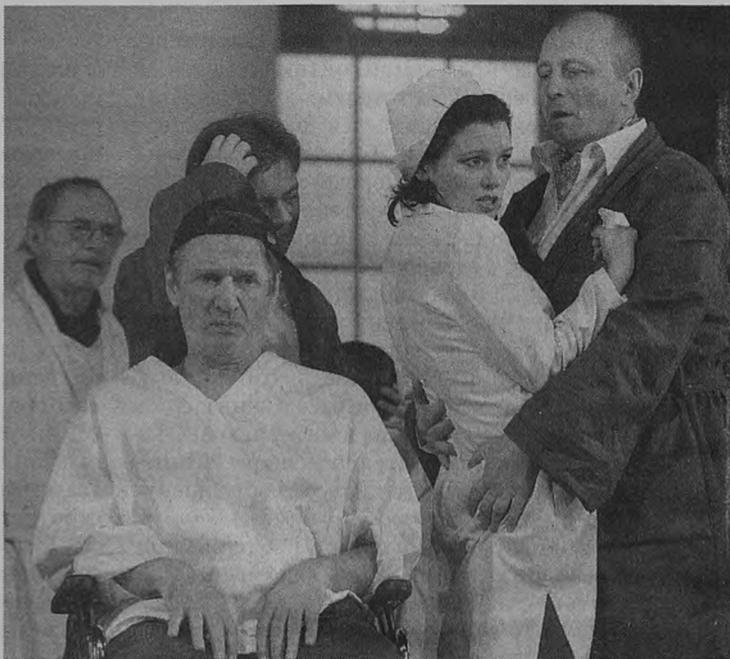
Беги, Макмерфи, беги!

«Затмение» в театре «Ленком»

премьера театр

Московский театр «Ленком» показал премьеру спектакля «Затмение» по мотивам знаменитого романа Кена Кизи «Над кукушкиным гнездом» с Александром Абдуловым в главной роли. Постановку, которой, по мнению РОМАНА ДОЛЖАНСКОГО, наверняка суждено стать одним из главных событий столичного театрального сезона, осуществил хорошо известный и много работающий в России болгарский режиссер Александр Морфов.

Постановка спектакля по культовой книге Кена Кизи планировалась в «Ленкоме» довольно давно. Поначалу говорили даже, что инсценировать роман дал согласие не кто иной, как знаменитый Милош Форман, в свое время снявший кинокартину с Джеком Николсоном в главной роли — фильм, ставший (во всяком случае, в бывшем Советском Союзе) более популярным, чем роман. В общем, уже тогда можно было пожалеть о том, что за Кизи не взялся сам худрук «Ленкома»: тема противостояния незаурядного героя-одиночки и обывательской толпы в творчестве Марка Захарова, безусловно, остается одной из самых главных. Но уж о чем точно не приходится жалеть

Герой Александра Абдулова мечтает, чтобы пациенты психбольницы вспомнили о радостях нормальной жизни ФОТО АЛЕКСАНДРА МИРИДОНОВА

сейчас, так это о том, что не состоялся визит маэстро Формана. В таких случаях дело обычно кончается торопливым ремейком, который вызывает кратковременный пиаровский шум, но выглядит безнадежным анахронизмом.

Александр Морфов поставил очень отчетливый, динамичный и внятно сыгранный спектакль. Обычно в его рабо-

тах куда больше театрализованных превращений, столкновений игровых стихий и сценических стилей (морфовские спектакли в московском театре «Et Cetera» и петербургском Театре имени Комиссаржевской). С другой стороны, собрать воедино начала и концы всех затеянных игр господину Морфову удается далеко не всегда. Поэтому стиль «Лен-

кома», где всегда ценят упругость действия, конкретность идей и железные законы восприятия театра массаами, сослужил режиссеру добрую службу. Во всяком случае, господин Морфов представил свой самый цельный театральный продукт в России.

Полноправными соавторами успеха стали художник Давид Боровский и актер Александр Абдулов. Господин Боровский построил на сцене павильон, сверкающий холодным металлом и победоносной (а оттого какой-то особенно бесчеловечной и вневременной) белизной кафеля. Конечно, срисовано не с русской психушки — слишком уж стерильно и везде плазменные экраны. Но и американцев в «Ленкоме», к счастью, играть не стараются. Когда-то роман Кена Кизи стал в Америке едва ли не программной книгой для бунтующей молодежи: отделение, где железной рукой блюла свой «орднунг» сестра Рэчед, стало для читателей символом скучного обывательского общества, а Макмерфи представлялся бунтарем и свободолюбивым неформалом, которому за стремление к разрушению этого самого общества легко прощали разногласия с Уголовным кодексом.

Александр Морфов, судя по всему, не собирался рифмовать психбольницу с обществом, а медсестру превращать в монстра. Противостояние Макмерфи с Рэчед — не столкновение вольной птицы с тупой обывательницей и уж ни в коем случае не конфликт диссидента с фашисткой. Работа Елены Шаниной точна и тонка: она совершенно не демонизирует свою героиню, и ее сестра Рэчед должна бы вызывать симпатию. Как говорится, побольше бы нам таких медработников. И ее подопечные совсем не выглядят жертвами полутюремных порядков: скорее всего, эти люди действительно нездоровы, но о методах их лечения не зрителю судить. И обрисованы на сцене с той долей юмора, которая, с одной стороны, делает спектакль в меру занимательным, а с другой — не позволяет относиться к ним иначе, чем к обыкновенным, рядовым сценическим персонажам.

Совершенно другое дело — Макмерфи в замечательном исполнении Александра Абдулова. Можно, конечно, сказать, что из темы незаурядной личности, попавшей, вернее, попавшейся в такие обстоятельства, сегодня многого в искусстве не извлечешь. Но это толь-

ко поначалу можно обмануться, приняв его героя за особенного человека.

Этот Макмерфи — обычный, не особенный. Есть такие механизмы воздействия театра на зал, правильная работа которых и доставляет подлинное удовольствие от театрального вечера. Александр Абдулов играет так, что между ним и публикой устанавливается особое доверие. Прежде всего потому, что герой в поведении своем исходит просто из здравого смысла. Можно сказать, что темой роли Абдулова становится вовсе не бунт одиночки, а как раз обреченность нормального человека, что на самом деле звучит гораздо драматичнее. Может быть, поэтому его персонажу сопереживаешь гораздо больше, чем любому трагическому герою, гибнущему за свободу. Александр Абдулов играет так, что на спектакле «Затмение» испытываешь какие-то забытые, прямо-таки детские чувства. Когда после ночной оргии в больнице героя должна вот-вот схватить охрана, мечтаешь о том, чтобы он успел сбежать. И ведь знаешь — фильм смотрел, книжку читал, — что суждены Макмерфи операция на мозге и смерть, а все равно хочется привстать и закричать ему из партера: беги же скорее, спасайся!

КоммерсантЪ 2. - 2006. - 10 янв. - с. 13.